

Нет автора

Русская старина

1906. 4_6

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1906. 4_6 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 681 с.

ISBN 978-5-458-02878-3

ISBN 978-5-458-02878-3

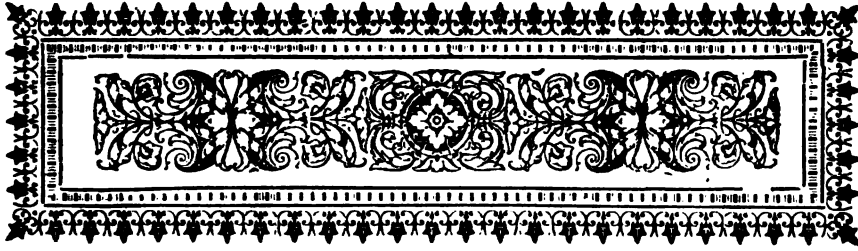
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Записки княгини Дашковой.

V¹⁾.

Въ отъѣздѣ двора въ Петергофъ, въ началѣ лѣта, я была болѣе свободна, чѣмъ думала, и, отдѣлавшись отъ вечернихъ собраній у императора, съ удовольствіемъ осталась въ городѣ. Въ это время многіе гвардейцы, негодуя на скорый походъ противъ Даніи, обнаруживали сильныя признаки раздраженія и начали распускать молву, что жизнь императрицы въ опасности и что, слѣдовательно, присутствіе ихъ необходимо дома. Поэтому я уполномочила нѣкоторыхъ офицеровъ изъ своей партіи увѣрить солдатъ, что я ежедневно вижу государыню и ручаюсь извѣстить ихъ, когда настанетъ благопріятная минута возстанія.

Затѣмъ грозная тишина воцарилась до 27-го іюня, до того знаменитаго дня, въ который приливы надежды и страха, восторга и скорби волновали грудь каждаго заговорщика. Когда я поразмыслию о событіяхъ этого дня, о славной реформѣ, совершенной безъ плана, безъ достаточныхъ средствъ, людьми различныхъ и даже противоположныхъ убѣжденій и характеровъ, многіе изъ которыхъ едва знали другъ друга, не имѣли между собой ничего общаго, за исключеніемъ одного желанія, увѣнчанаго случайнымъ, но болѣе полнымъ успѣхомъ, чѣмъ можно было ожидать отъ самаго строгаго и глубоко-обдуманнаго плана—когда я поразмыслию обо всемъ этомъ, нельзя не признать воли Провидѣнія, руководившей шаткими и слабыми нашими стремленіями. Если бы участники искренно сознались, какъ много они обязаны случаю и удачѣ своимъ успѣхомъ, они должны бы менѣе гордиться собственными ихъ заслугами. Что касается до

¹⁾ См. „Русскую Старину“, мартъ 1906 г.

меня, то я, положа руку на сердце, говорю, что хотя мнѣ принадлежала первая доля въ этомъ переворотѣ—въ низверженіи неспособнаго монарха, за всѣмъ тѣмъ я изумляюсь факту: ни историческіе опыты, ни пламенное воображеніе восемнадцати вѣковъ не представляютъ примѣра такого событія, которое осуществилось передъ нами въ нѣсколько часовъ.

Въ полдень 27-го іюня Григорій Орловъ привезъ мнѣ извѣстіе объ арестѣ Пассека. Пассекъ и Бредихинъ были у меня вечеромъ наканунѣ, предупредивъ объ опасности, которой угрожало нетерпѣніе солдатъ, въ особенности гренадеровъ; повѣривъ распущеннымъ слухамъ относительно императрицы, они открыто говорили противъ Петра III и громко требовали, чтобы ихъ вели противъ гольштинскихъ отрядовъ въ Ораніенбаумъ. Желая успокоить тревогу этихъ двухъ молодыхъ людей, я подтвердила имъ свою личную готовность встрѣтить опасность и просила ихъ еще разъ увѣрить солдатъ, прямо отъ меня въ томъ, что императрица совершенно благополучна, живетъ на свободѣ въ Петергофѣ, и что они должны быть спокойны и покорны приказаніямъ другихъ, иначе дѣло будетъ проиграно. Пассекъ и Бредихинъ немедленно отправились въ казармы съ моимъ порученіемъ, но среди общей суматохи наша тайна дошла до свѣдѣнія Преображенскаго полка, маіора Воейкова, который сейчасъ же арестовалъ Пассека и такимъ образомъ ускорилъ счастливую развязку катастрофы.

Когда Орловъ извѣстилъ меня объ этомъ арестѣ, не зная ни причины, ни подробности его, со мной находился Панинъ; со свойственной его характеру флегмой и медлительностью, а можетъ быть и изъ желанія скрыть отъ меня опасность, онъ, повидимому, считалъ это происшествіе менѣе серьезнымъ, чѣмъ я, и представлялъ его, какъ слѣдствіе какаго-нибудь военнаго проступка. Напротивъ, я приняла его за сигналъ рѣшительнаго дѣйствія, хотя и не могла убѣдить его въ этомъ мнѣніи. Между тѣмъ, Орловъ хотѣлъ немедленно идти въ казармы и обстоятельно разузнать, арестованъ ли Пассекъ за государственное преступленіе или за военный проступокъ? Въ первомъ случаѣ онъ обѣщалъ возвратиться ко мнѣ со всѣми подробностями и послать своего брата съ тѣмъ же увѣдомленіемъ къ Панину.

Когда Орловъ ушелъ, я попросила моего дядю оставить меня, подѣ тѣмъ предлогомъ, что мнѣ нуженъ былъ отдыхъ. Но какъ скоро онъ удалился, я накрылась большимъ мужскимъ широкимъ плащомъ и, такимъ образомъ перерядившись, пошла пѣшкомъ къ Рославлеву.

На дорогѣ я встрѣтила верховаго офицера, скакавшаго во весь

галошъ по направленію ко мнѣ. Не знаю, какъ я узнала въ немъ Орлова, хотя никогда не видѣла ни одного изъ нихъ, кромѣ Григорія; но, убѣжденная въ этомъ, я рѣшилась остановить его, назвавшись собственнымъ именемъ. Наѣздникъ сдержалъ лошадь и, когда узналъ, кто говоритъ съ нимъ, сказалъ: „Княгиня, я ѣхалъ увѣдомить васъ, что Пассекъ арестованъ, какъ государственный преступникъ; четыре часовыхъ стоятъ у его дверей, и двое у каждаго окна его комнаты. Мой братъ побѣждалъ извѣстить Панина, а я передалъ эту новость Рославлеву. „Ну что, послѣдній былъ сильно встревоженъ этимъ извѣстіемъ?“ спросила я.—„Да, нѣсколько испугался, отвѣчалъ Орловъ,—но зачѣмъ вы стоите на улицѣ? Позвольте мнѣ проводить васъ домой“.—„Мы безопаснѣ здѣсь“, замѣтила я, „чѣмъ дома, гдѣ трудно укрыться отъ наблюденія слугъ. Но теперь терять слова нечего. Скажите Рославлеву, Ласунскому, Черткову и Бредихину, чтобы они сію же минуту отправились въ Измайловскій полкъ и оставались при своихъ постахъ, съ цѣлю принять императрицу въ окрестностяхъ города. Потомъ вы или одинъ изъ вашихъ братьевъ молніей летите въ Петергофъ и отъ меня просите государыню немедленно сѣсть въ почтовую карету, которая уже приготовлена для нея, и явиться въ лагерь измайловскихъ гвардейцевъ: они готовы провозгласить ее главой имперіи и проводить въ столицу. Скажите ей, что дѣло такой важности, что я даже не имѣла времени зайти домой и извѣстить ее письменно; что я на улицѣ и изустно отдала вамъ порученіе привезти ее безъ малѣйшаго замедленія. Можетъ быть, я сама приѣду и встрѣчу ее“.

Почтовая карета, о которой я сказала, требуетъ нѣсколько словъ для поясненія моего разсказа. Послѣ того, какъ я видѣла у себя Пассека и Бредихина, и услышала отъ нихъ о тревожномъ состояніи солдатъ, можно было подумать, что они, не дожидаясь приказаній, начнутъ дѣло: на этотъ случай я написала Шкуриной, женѣ камеръ-лакея Екатерины, чтобы она отправила къ своему мужу въ Петергофъ экипажъ съ четырьмя почтовыми лошадьми, съ тѣмъ, чтобы эти лошади были постоянно готовы для императрицы, если вдругъ присутствіе ея будетъ необходимо въ Петербургѣ; я хорошо знала, какъ трудно было бы ей, въ случаѣ надобности, достать себѣ придворную карету, безъ особеннаго позволенія Измайлова, министра двора, человека, менѣе всѣхъ расположеннаго въ пользу государыни. Панинъ думалъ, что начало революціи еще далеко и неизвѣстно, и потому смѣялся надъ моею слишкомъ поспѣшной предосторожностью. Но еслибъ мы пренебрегли этими дальновидными мѣрами, Богъ знаетъ, когда и какъ были бы достигнуты наши надежды.

Отпустивъ Орлова, я возвратилась домой, но въ такомъ раздра-

жительномъ настроеніи духа, что рѣшилась немного отдохнуть. Между тѣмъ приказала приготовить къ вечеру мужское платье, но портной опоздалъ. Когда же я одѣлась, оно жало и стѣсняло мои движенія. Чтобы не возбуждать подозрѣнія со стороны домашней прислуги, я легла въ постель, но не прошло и часу, какъ я была поднята страшнымъ стукомъ въ ворота. Вскочивъ съ постели, я вышла въ ближайшую комнату и приказала принять, кто бы то ни былъ. Молодой человѣкъ, неизвѣстный мнѣ, явился и назвалъ себя младшимъ Орловымъ. Онъ пріѣхалъ спросить, говорилъ онъ, не рано ли посылать за императрицей, и беспокоить ее слишкомъ послѣднимъ требованіемъ въ Петербургъ.

Я остолбенѣла. Это такъ взбѣсило меня, что я не могла сдержать своего гнѣва, при чемъ выразилась довольно энергично, противъ самовольнаго замедленія моихъ приказаній, данныхъ Алексѣю Орлову. „Вы упустили самое драгоцѣнное время, сказала я. Вы боялись потревожить государыню и рѣшились вмѣсто того, чтобы своевременно явиться съ ней въ Петербургъ обречь ея жизнь темницѣ или одной съ нами участи на эшафотѣ. Скажите же своему брату, чтобы онъ немедленно скакалъ въ Петергофъ и привезъ ее въ городъ, какъ можно скорѣй; иначе Петръ III предупредить ее и разрушить всѣ наши надежды на спасеніе Россіи и императрицы“.

Орловъ, очевидно, былъ тронутъ моимъ протестомъ и увѣрилъ меня, что братъ его сію же минуту исполнитъ мое порученіе.

Когда онъ ушелъ, я предалась самому печальному раздумью. Мысль боролась съ отчаяніемъ и ужасными представленіями, я горѣла желаніемъ ѣхать навстрѣчу императрицѣ; но стѣсненіе, которое я чувствовала отъ моего мужскаго наряда, приковывало меня, среди бездѣйствія и уединенія, къ постели. Впрочемъ, воображеніе безъ усталости работало, рисуя по временамъ торжество императрицы и счастье Россіи. Но эти сладкія видѣнія быстро смѣнялись другими, страшными мечтами. Малѣйшій звукъ будилъ меня, и Екатерина, идеалъ моей фантазіи, представлялась блѣдной, обезображенной. Эта потрясающая ночь, въ которой я выстрадала за цѣлую жизнь, наконецъ, прошла; и съ какимъ невыразимымъ восторгомъ я встрѣтила счастливое утро, когда узнала, что государыня вошла въ столицу и провозглашена главой имперіи Измайловскимъ полкомъ, который проводилъ ее въ Казанскій соборъ, среди огромнаго собранія войска и гражданъ, готовыхъ принести ей обѣтъ подданства.

Было шесть часовъ. Я приказала подать себѣ парадное платье и послѣдно отправилась въ Лѣтній дворецъ, гдѣ предполагала найти Екатерину. Трудно сказать, какъ я добралась до нея. Дворецъ былъ окруженъ множествомъ народа и войскъ, со всѣхъ концовъ города

стекавшихся и соединившихся съ измайловцами; я принуждена была выйти из кареты и пѣшкомъ пробиваться сквозь толпу. Но какъ скоро узнали меня нѣкоторые изъ офицеровъ и солдатъ, я была поднята на руки и отовсюду слышала привѣтствія, какъ общій другъ, и осыпана тысячами благословеній. Наконецъ, очутилась въ передней съ вскруженной головой, съ изорванными кружевами, измятымъ платьемъ, совершенно растрепанной, вслѣдствіе своего триумфальнаго прибытія, и поторопилась представиться государынѣ. Мы были немедленно въ объятіяхъ другъ друга. „Слава Богу!“—вотъ все, что мы могли сказать въ эту минуту.

Потомъ она рассказала о своемъ побѣгѣ изъ Петергофа, о своихъ опасеніяхъ и надеждахъ передъ этимъ ударомъ. Я слушала ее съ біеніемъ сердца и въ свою очередь описала ей тоскливые часы, проведенные мной въ то же время, которые были тѣмъ тягостнѣе, что я не могла встрѣтить ее и слѣдить за успѣхомъ ея судьбы, блага или бѣдствій всей Россіи. Мы еще разъ обнялись—и я никогда такъ искренно, такъ полно не была счастлива, какъ въ этотъ моментъ. Замѣтивъ, что императрица была украшена лентой св. Екатерины и еще не надѣла Андреевской—высшаго государственнаго отличія (женщина не имѣла права на него, но царствующая государыня, конечно, могла украситься имъ), я подбѣжала къ Панину, сняла съ его плечъ голубую ленту и надѣла ее на императрицу, а ея Екатерининскую, согласно съ желаніемъ ея, положила въ свой карманъ.

Послѣ легкаго завтрака, государыня предложила двинуться въ головѣ войска въ Петергофъ и пригласила меня сопутствовать ей. Съ этой цѣлью, желая переодѣться въ гвардейскій мундиръ, она взяла его у капитана Талызина, а я, слѣдуя примѣру ея, достала себѣ отъ лейтенанта Пушкина, моего роста. Эти мундиры, между прочимъ, были древнимъ національнымъ одѣяніемъ Преображенскаго полка, со времени Петра Великаго, впоследствии замѣненнымъ прусскими куртками, введенными Петромъ III. Замѣчательно, что едва императрица вошла въ городъ, какъ гвардейцы, будто по командѣ, сбросили съ себя иностранные мундиры и одѣлись въ свое старое платье.

Когда императрица стала приготовляться къ своему походу, я уѣхала домой переодѣваться; а по возвращеніи моемъ, я застала ее въ совѣтѣ, разсуждавшемъ о будущемъ манифестѣ. Съ ней находились тѣ сенаторы, которые были тогда въ городѣ, и Тепловъ, призванный въ качествѣ секретаря.

Такъ какъ извѣстія о побѣгѣ императрицы изъ Петергофа и о всѣхъ другихъ событіяхъ этого дня уже могли дойти до Петра III,

то я думала, что онъ двинется къ Петербургу, чтобы остановить возстаніе войскъ. Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, я рѣшилась сообщить мое мнѣніе государынѣ. Двое офицеровъ, стоящихъ на часахъ у дверей совѣта, вѣроятно удивленные моимъ смѣлымъ движеніемъ или полагавшіе, что я имѣю право всегда являться на глаза Екатерины, безпрепятственно меня пропустили въ комнату. Я подошла къ государынѣ и на ухо сообщила ей свою мысль, совѣтуя принять всевозможныя мѣры противъ прибытія Петра III. Теплому тотчасъ же было приказано написать указъ и разослать копии его, вмѣстѣ съ другими инструкціями, въ двѣ главныя части, которыя должны были охранять два пути къ городу, по водѣ и по сушѣ. Мое нечаянное появленіе въ совѣтѣ изумило почтенныхъ сенаторовъ, изъ которыхъ никто не узналъ меня въ военномъ мундирѣ; Екатерина, замѣтивъ это, сказала имъ мое имя, прибавивъ, что она обязана моею дружбѣ указаніемъ въ эту минуту, на одну очень необходимую предосторожность, которую она совершенно упустила изъ виду. Сенаторы единодушно встали съ своихъ мѣстъ, чтобы поздравить меня, при чемъ я покраснѣла и отклонила отъ себя честь, которая такъ мало шла мальчику въ военномъ мундирѣ.

Когда засѣданіе кончилось и отданы были приказанія относительно безопасности столицы, мы сѣли на своихъ лошадей, и по дорогѣ въ Петергофъ осмотрѣли двѣнадцать тысячъ войска, кромѣ волонтеровъ, ежеминутно стекавшихся подъ наше знамя.

Въ Красномъ Кабачкѣ, въ десяти верстахъ отъ Петербурга, мы отдохнули немного, чтобы дать роздыхъ пѣхотѣ. Да и намъ необходимъ былъ покой, особенно мнѣ, ибо послѣднія пятнадцать ночей я едва смыкала глаза. Когда мы вошли въ тѣсную и дурную комнату, государыня предложила не раздѣваясь лечь на одну постель, которая при всей окружающей грязи была истинной роскошью для моихъ измученныхъ членовъ... Едва мы расположились на постели, завѣшанной шинелью, взятой у полковника Кара, я замѣтила маленькую дверь позади изголовья императрицы. Не зная, куда она вела, я попросила позволенія выйти и увѣриться, все ли безопасно; удостовѣрившись, что эта дверь сообщалась тѣснымъ и темнымъ корридормъ съ внѣшнимъ дворомъ, я поставила у нея двухъ часовыхъ, приказавъ имъ не трогаться съ мѣста безъ моего позволенія. Потомъ я возвратилась къ императрицѣ, которая перебирала какія-то бумаги; и такъ какъ мы не могли заснуть, то она прочитала мнѣ копию будущаго манифеста. Полныя восторга, отъ котораго далеко отлетѣла всякая тревожная мысль объ опасности, мы разсуждали о томъ, что надо дѣлать далѣе.

VI.

Между тѣмъ Петръ III, не захотѣвъ послѣдовать совѣту маршала Миниха, находился въ самомъ нерѣшительномъ состояніи. Онъ скакалъ взадъ и впередъ между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ, до тѣхъ поръ пока, наконецъ, уступивъ просьбамъ своихъ друзей, поплылъ въ Кронштадтъ, чтобы овладѣть флотомъ. Императрица впрочемъ не забыла обратить вниманіе на это важное обстоятельство и расположить въ свою пользу морскую силу. Она послала адмирала Талызина командовать флотомъ во имя ея. Увидѣвъ, что Петръ подъѣзжаетъ къ Кронштадтскому берегу, Талызинъ не позволилъ ему высадиться. Несчастный царь принужденъ былъ плыть обратно въ Ораніенбаумъ, отправивъ Измайлова къ Екатеринѣ съ самыми покорными предложеніями и обѣщаніями отречься отъ престола.

Посоль для этихъ переговоровъ встрѣтилъ насъ на дорогѣ въ Петербургъ; и какъ были отличны его языкъ и поведеніе отъ языка моего дяди, канцлера, который представился императрицѣ въ ту самую минуту, когда мы покидали городъ. Послѣдній возражалъ противъ поступка, начатаго Екатериной, и когда она не убѣждалась его словами, онъ оставилъ ее, не давъ присяги на подданство. „Будьте увѣрены, мадамъ, сказалъ онъ хладнокровно и съ достоинствомъ великой души, что я никогда не присягну, ни словомъ, ни дѣломъ вашему ложному правленію; а чтобы увѣриться въ справедливости моего обѣта, поставьте одного изъ вашихъ преданныхъ офицеровъ стражемъ у моихъ дверей; я никогда не измѣню клятвѣ, данной императору, пока онъ существуетъ“.

Нельзя было не удивляться этому мужеству моего почтеннаго дяди, руководимаго въ этомъ случаѣ однимъ строгимъ долгомъ къ своему государю; онъ не заискивалъ его милости, онъ не довѣрялъ его правленію, съ трудомъ повиновался ему и грустно смотрѣлъ на его будущее.

Государыня отослала назадъ генерала Измайлова, заклиная его уговорить Петра III покориться ея волѣ, изъ опасенія навлечь сопротивленіемъ страшное зло, обѣщая при томъ, что она, съ своей стороны, постарается устроить его жизнь возможно веселой въ резиденціи, имъ самимъ избранной около Петербурга.

Когда мы достигли Сергіевскаго монастыря, князь Голицынъ явился съ письмомъ отъ императора; между тѣмъ толпа, слѣдовавшая за нами, съ каждымъ часомъ прибывала, приходя съ противоположной стороны.

Вскорѣ послѣ нашего прибытія въ Петергофъ, Петръ III, въ со-

провожденіи Измайлова и Гудовича, явился во дворець съ изъявленіемъ покорности. Его никто не видѣлъ; онъ былъ введенъ въ отдаленный покой, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ; и такъ какъ онъ избралъ мѣстомъ своего будущаго пребыванія замокъ Ропшу, принадлежавшій ему, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, то его немедленно отправили туда, подъ наблюденіемъ Алексѣя Орлова и подчиненныхъ ему, капитана Пассека, князя Ѳедора Барятинскаго и Баскакова, съ приказаніемъ охранять развѣнчаннаго монарха.

Я не видѣла его въ минуту паденія, хотя и могла бы; но мнѣ говорили, что онъ мало горевалъ о пережвѣннѣ своего положенія. Прежде чѣмъ разстался съ Петербургомъ, онъ написалъ двѣ или три небольшихъ записки императрицѣ; въ одной, какъ я узнала, онъ произнесъ ясное и рѣшительное отреченіе отъ короны; назвавъ нѣкоторые лица, которыхъ онъ желалъ имѣть при себѣ, онъ не забылъ упомянуть о нѣкоторыхъ необходимыхъ принадлежностяхъ своего стола, между прочимъ просилъ отпускать ему вдоволь Бургонскаго, табаку и трубокъ.

Но довольно объ этомъ злосчастномъ государѣ, котораго природа создала для самыхъ низшихъ рядовъ жизни, а судьба ошибкой вознесла на престолъ. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ совершенно пороченъ, но тѣлесная слабость, недостатокъ воспитанія и естественная склонность ко всему пошлomu и грязному, еслибъ онъ продолжалъ царствовать, могли имѣть для его народа не менѣе гибельные результаты, чѣмъ самый необузданный порокъ.

Въ продолженіе всего этого дня, начиная съ вечера наканунѣ, я почти вовсе не отдыхала; впрочемъ, умъ и страсти такъ были заинтересованы настоящими обстоятельствами и событіями, что я чувствовала усталость только тогда, когда переставала дѣйствовать. Этотъ вечеръ я провела въ разнообразныхъ хлопотахъ, то на одномъ, то на другомъ концѣ дворца; потомъ между гвардейцами, разставленными на часахъ у разныхъ входовъ; возвращаясь, между прочимъ, отъ Гольштинской принцессы, родственницы императрицы, съ просьбой дозволить ей видѣть государыню, я чрезвычайно изумилась, замѣтивъ Григорія Орлова, растянувшася во весь ростъ на диванѣ (кажется, онъ ушибъ себѣ ногу), въ одной изъ царскихъ комнатъ; передъ нимъ лежалъ огромный пакетъ бумагъ, который онъ собирался распечатать. Я замѣтила, что это были государственные акты, сообщенные изъ верховнаго совѣта, что мнѣ приводилось часто видѣть у моего дяди въ царствованіе Елисаветы. „Что такое съ вами?“ спросила я его съ улыбкой. „Да, вотъ императрица приказала распечатать это“, отвѣчалъ онъ. „Невозможно, сказала я, нельзя раскрывать ихъ до тѣхъ поръ, пока она не назначитъ лицъ, официально уполномоченныхъ для этого дѣла,

и я увѣрена, что ни вы, ни я не можемъ имѣть притязанія на это право“.

Въ ту самую минуту мы были прерваны докладомъ, что солдаты, томимые жаждой и усталые, вломались въ погреба и наполнили каски венгерскимъ виномъ, думая, что это водка. Я немедленно вышла, чтобы возстановить порядокъ. Къ крайнему моему удивленію, при всеобщей суматохѣ, при совершенномъ отсутствіи дисциплины, моя рѣчь такъ подѣйствовала, что они, выливъ вино на землю, положили свои кивера на мѣсто и удовольствовались утолить жажду изъ ближайшаго ручья. Я бросила имъ всѣ деньги, какія были со мной, и выворотила карманы, чтобъ показать, что я отдала имъ все, что могла; въ то же время общала, что, по возвращеніи въ городъ, будутъ открыты кабаки и они могутъ пить, сколько душѣ угодно, на казенный счетъ. Эта реторика была совершенно въ ихъ вкусѣ, и они весело разошлись.

Коснувшись этого пункта, я вспомнила, что въ нѣкоторыхъ изданіяхъ было напечатано, будто я получала отъ императрицы и отъ иностранныхъ дворовъ деньги на подмогу моимъ революціоннымъ проектамъ; клевета совершенная. Отъ государыни я никогда не просила и не принимала ни одного рубля, и хотя французскій министръ открывалъ мнѣ неограниченный кредитъ на этотъ случай, но я всегда отвѣчала, что для нашей революціи мы не имѣемъ нужды ни въ какихъ иностранныхъ пособіяхъ.

Проходя къ императрицѣ черезъ ту комнату, гдѣ Григорій Орловъ лежалъ на софѣ, я нечаянно замѣтила столъ, накрытый на три прибора. Обѣдъ былъ поданъ. Екатерина пригласила меня обѣдать вмѣстѣ. Вошедъ въ залу, я съ крайнимъ неудовольствіемъ увидѣла, что столъ былъ придвинутъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Орловъ. На моемъ лицѣ отразилось непріятное чувство, что не скрылось отъ Екатерины. „Что съ вами? спросила она. — „Ничего, отвѣчала я, кромѣ пятнадцати безсонныхъ ночей и необыкновенной усталости“. Тогда она посадила меня рядомъ съ собой, какъ будто въ укоръ Орлову, который изъявлялъ желаніе оставить военную службу. „Подумайте, какъ бы было это съ моей стороны неблагодарно, еслибъ я позволила ему выйти въ отставку“. Я, конечно, была не совсѣмъ согласна съ ея мнѣніемъ и прямо замѣтила, что она, какъ государыня, много имѣетъ другихъ средствъ выразить свою признательность, не стѣсняя ни чьихъ желаній.

Съ этого времени, я первый разъ убѣдилась, что между нами была связь. Это предположеніе давно тяготило и оскорбляло мою душу.

Послѣ нашего обѣда и отъѣзда Петра III въ Ропшу, мы отпра-

вились въ Петербургъ и по дорогѣ провели два часа въ загородномъ домѣ князя Куракина, гдѣ Екатерина и я опять отдыхали на одной постели. Отсюда мы проѣхали въ Екатерингофъ, гдѣ насъ встрѣтило огромное стеченіе народа; онъ собрался на случай борьбы за насъ съ гольштинской гвардіей, ненавистной всей націи.

Затѣмъ послѣдовала сцена, выше моего описанія, превосходнѣе моего достоинства... Когда мы въѣхали въ столицу, проходя по ней торжественной процессіей, улицы и окна были загромождены зрителями; радостныя привѣтствія оглашали воздухъ; военная музыка и звонъ колоколовъ сливался съ веселымъ говоромъ толпы, бѣжавшей за повѣдомъ; двери церквей были отворены настежь, и въ глубокой перспективѣ виднѣлись группы священниковъ, стоявшихъ за блестящими алтарями; религіозная церемонія освятила народный восторгъ.

Какъ, однако жъ, ни была одушевлена и поразительна сцена вокругъ меня, но она почти меркла передъ моею собственною мыслью, полной энтузіазма; я ѣхала возлѣ императрицы, участвуя въ благословеніи революціи, незапятнанной ни одной каплей крови; съ тѣмъ вмѣстѣ объ руку со мною была не только добрая монархиня, но и первый мой другъ, которому я содѣйствовала цѣной жизни освободиться отъ гибельной неволи и взойти на престолъ возлюбленной родины.

Когда мы приблизились къ подъѣзду Лѣтняго дворца, мой духъ изнемогъ подъ вліяніемъ быстраго ряда событій; желая знать впечатлѣнія этого дня на моего отца и дядю и видѣть свое дитя, я попросила государыню отпустить меня въ одной изъ придворныхъ каретъ; она позволила, но съ тѣмъ, чтобы я какъ можно скорѣй возвратилась: я прежде заѣхала къ дядѣ, такъ какъ его домъ былъ ближе, и нашла этого достойнѣйшаго старика совершенно спокойнымъ. Онъ говорилъ, что низверженіе Петра III было событіемъ весьма вѣроятнымъ; но разговоръ его особенно живо коснулся опасности слишкомъ безусловно довѣряться дружбѣ царей: „она, замѣтилъ онъ, такъ же непродолжительна, какъ и вѣроломна“. Онъ убѣждалъ меня своимъ собственнымъ опытомъ, доказавшимъ, что самыя чистыя побужденія, самыя справедливыя дѣйствія не всегда защищаютъ отъ ядовитой зависти и интриги, даже близъ трона такого монарха, который признавалъ его заслуги и которому онъ былъ преданъ съ раннихъ лѣтъ жизни.

Отсюда я отправилась къ своему отцу и къ крайнему своему изумленію застала его домъ оцѣпленнымъ сотнею солдатъ. Это произошло вслѣдствіе ложно понятаго усердія Какавинскаго, присланнаго сюда защитить его отъ пьяныхъ гвардейскихъ солдатъ, такъ какъ казармы ихъ находились по сосѣдству. Но этотъ офицеръ, вѣроятно,